

Текст · 28 апреля 2022, 12:16

Алла Константинова,

«Тела нету, надежда есть». Родственники пропавших без вести российских солдат узнают об их смерти от сослуживцев и из интернета

«Побросали их и разбежались кто куда»

Фотографию тела 24-летнего десантника Владимира Лучихина его девушка Татьяна увидела в украинском телеграм-канале «Ищи своих» в ночь на 31 марта.

«Она утром звонит мне первому, ревет: "Дядь Леш, там выставили Вовы фотографию", — рассказывает Алексей Жихарев^[1], дядя военнослужащего. — Я нашел, зашел — точно Вова».

На [снимке](#), благодаря которому родственники узнали пропавшего месяц назад десантника, лицо молодого мужчины крупным планом: лоб синюшно-фиолетового цвета, нос сдвинут набок, запавшие глаза. «По фотографии видно, что он лежал где-то в холодильнике: на лице иней, — говорит Жихарев. — На втором фото — черный мешок и [на бирке] написана фамилия: Лучихин».

Владимир Лучихин. Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

Алексей вспоминает, что за несколько дней до этого в том же телеграм-канале опубликовали снимки военных билетов сослуживцев Владимира из 247-го гвардейского десантно-штурмового Кавказского казачьего полка из-под Ставрополя. Чуть позже стали публиковать и фото трупов. «"Погиб, погиб, погиб" — было написано [под фото], — говорит дядя. — А нашего не было, поэтому мы еще и надеялись, что, может быть, где-то как-то живой, может, в плен попал».

В течение всего предыдущего месяца семья Владимира его безуспешно искала: последний раз он звонил домой 21 февраля из Крыма, где вместе с сослуживцами из ставропольской воинской части № 54801 находился на учениях, а потом пропал. По словам дяди военнослужащего, на учения в Крым они ездили «постоянно» и, когда Владимир сказал, что их будут передислоцировать, семья переживать не стала.

— Он сказал: «Нас передвигают дальше, куда точно — не знаю, но сказали, что связи там не будет». И

телефоны, все вещи оставили они там, где жили [в палаточном лагере в Крыму], — говорит дядя Владимира. — После этого связи с ним не стало. И 24 февраля, когда военную операцию объявили, мы поняли — значит, перебросили их туда уже, на Украину, по-любому. Если они десантники, значит, там будут, в любом случае. И все, связи-то больше нету и... ну нету и нету, как бы.

За неделю до того, как родственники Лучихина увидели снимок его трупа из морга, Жихареву, по его словам, позвонил подполковник 247-го десантно-штурмового полка Роман Шутников^[2].

Военнослужащий рассказал Алексею о неопознанном теле в ростовском 522-м Центре приема, обработки и отправки погибших Южного военного округа — и предложил сделать тест ДНК.

— Я его тогда еще спрашиваю: «Так он все же, получается, погиб, что ли?» — говорит Жихарев. — «Мы, — говорит, — сомневаемся, потому что тела-то нет, мы же не можем сказать, что он погиб. Но как бы [труп] похож на Владимира». ДНК мы сделали — материал у матери брали — 24 марта отправили самолетом до Сочи, а в Сочи уже там его... [перенаправили]. Пришел ответ — не он.

10 марта девушке Владимира позвонили с неизвестного номера, продолжает Алексей. Мужской голос на том конце представился Татьяне сослуживцем Владимира Лучихина. Звонивший сказал, что он и еще несколько человек находятся в военном госпитале в Ростове-на-Дону, но ее молодого

человека среди них нет — Владимир и еще трое солдат погибли.

— Рассказал, что 4 марта первая группа [военнослужащих] пошла к зданию где-то под Николаевом, я не знаю, что за задание боевое у них было, — рассказывает Алексей, который позже и сам связался с раненым сослуживцем племянника, попросив его рассказать детали того боя. — В районе аэродрома, что ли, это было. Четыре человека с их отделения шло. Владимир, как командир отделения, и три солдата. Они нарвались на засаду, и там бой... остальные товарищи их прикрывали: слышали перестрелку, и второе отделение двинулось за ними.

Вместе с Лучихиным под Николаевом под обстрел попали Дмитрий Самохин, Александр Бреев и Дмитрий Варфоломеев.

Сослуживец Владимира вспоминал, что на месте стрельбы они обнаружили раненых ребят из первой группы.

— Когда, говорят, они уже подходили, все наши лежали. Некоторые были раненые, но живые, — пересказывает Алексей диалог с выжившим военнослужащим, а затем вздыхает. — Сейчас, немножко соберусь, тяжело как-то... У кого-то ноги истекали кровью. Им начали оказывать помощь, видимо, вытаскивать... но бой-то продолжался. Когда начали тела уже вытаскивать, пошел обстрел. И, похоже, они побросали их и разбежались кто куда. Кто-то уже раненый был... Получается, то, что они не вытащили тела своих товарищей, там оставили, отступили... и вот эти тела уже попали к украинцам.

В этой точке история пропажи его племянника «переходит в разряд непонятных», продолжает Алексей.

После звонка из госпиталя 10 марта родственники Лучихина, Самохина, Бреева и Варфоломеева запросили в воинской части информацию о местонахождении солдат, но в официальных списках погибших этих военнослужащих не оказалось.

В областном военкомате и на горячей линии Минобороны никакой информации о них также не было в течение всего марта.

— И родители, и жены солдат искали, — говорит Алексей. — Написали письмо Путину. Пришел ответ: «Разобраться» — и его, естественно, [перенаправили] в часть. А что часть может сделать?

Это письмо, по его словам, «по кругу и пошло». Родные Владимира обращались и в главную военную прокуратуру, и в прокуратуру Ставропольского края, но внятного ответа не получили.

— Прокуратура пересылала эти письма туда-сюда, нам приходили эти уведомления: «Согласно статье такой-то, там-то и там-то письмо рассматривается» — вот это вот все. Я даже узнал фамилию подполковника, который был непосредственно на месте событий — Рамонов Эльбрус Борисович, — вспоминает дядя военнослужащего. — Звоню в ту воинскую часть их, говорю: «Мне нужен полковник Рамонов». А девушка на коммутаторе говорит: «Его нет, он у нас в госпитале лежит — в Москве, в Бурденко». Каждый день звонил, потому что мать-то у Владимира в шоке была, не могла даже

разговаривать... сами понимаете, такая травма. А мне все отвечают: «В списках погибших Лучихина нет».

По словам дяди Владимира, в начале апреля в воинской части № 54801 прошла панихида по погибшим военнослужащим. «Фотографии были выставлены, священника приглашали, он проводил молебен, — говорит Алексей. — Я насчитал там 54 фотографии, но наших [погибших 4 марта под Николаевом военнослужащих] там не было».

В понедельник, 25 апреля «Медиазона» [опубликовала исследование](#) о погибших в войне с Украиной, составленное по открытым данным. На тот момент нам удалось установить 15 человек, служивших в 247-ом гвардейском десантно-штурмовом Кавказском казачьем полку из-под Ставрополя, в том числе [командира полка](#) Константина Зизевского. Эти данные оказались неполными.

Уже после публикации с «Медиазоной» связался источник, близкий к 247-му десантно-штурмовому полку. Он прислал список из 60 фамилий.

Таблица озаглавлена «Список похороненных», напротив фамилий выставлены отметки — «погребен», «днк» или галочка, а также неразборчивые подписи от руки. Часть фамилий не сопровождается каким-либо комментарием.

Портреты 55 военнослужащих [были выставлены](#) во время панихиды в актовом зале полка.

«Медиазоне» удалось сопоставить часть фото с фамилиями из списка и таким образом

подтвердить гибель 40 военнослужащих 247 полка ВДВ. Еще 15 фото опознать не удалось. Еще один военнослужащий 247-го полка упоминался как убитый в Украине в других СМИ. Таким образом, «Медиазоне» удалось идентифицировать 41 десантника из 247 полка, погибшего в Украине.

В самом конце списка, переданного источником, есть и фамилии пятерых солдат: Варфоломеева Дмитрия Сергеевича, Самохина Дмитрия Александровича, Лучихина Владимира Николаевича, Бреева Александра Александровича. Напротив фамилии Варфоломеева стоит галочка, остальные военнослужащие приводятся без каких-либо пометок.

В одном из последних разговоров с Жихаревым подполковник Роман Шутников, по предложению которого мать Владимира в марте сдавала ДНК-тест, упомянул, что Лучихина и других солдат его отделения признали «без вести отсутствующими». Позже тот же статус в воинской части озвучили по телефону и матери Владимира, говорит Алексей.

— Не понял, говорю, — возмущается дядя погибшего.
— Как понять «без вести отсутствующий»? Солдат оставил воинскую часть самовольно, что ли? А он, Шутников, говорит: «Нет, без вести отсутствующий — то есть, [военнослужащий] не зачислен ни в список погибших, ни в живых нет его».

Алексей говорит что не может понять, почему тела погибших так и не забрали с поля боя. Он опасается,

что тела племянника и его сослуживцев в Украине «бросят в общую яму».

— Одна из жен [погибших] подошла к замполиту: давайте действовать, забирать эти тела, раз уж нам известно, что они там, — рассказывает Алексей. — А он взял и ответил: «Что я вам, поеду туда на своей машине их забирать, на Украину?».

«Жду, пока наши возьмут Харьков, и поеду туда сам»

Отец 20-летнего контрактника Дмитрия Красоткина также узнал о гибели сына от его сослуживцев по воинской части № 64044 из Пскова. В списках части военный с конца марта числится среди без вести пропавших.

— 27 марта позвонил из части полковник и сообщил, что сын без вести пропал, — говорит отец военнослужащего Александр Красоткин. — Сказали: пропал, тела нету, где-то на территории Харькова оно находится, а где — закопано в землю или у каких-то служб, которые их забирали — [неизвестно].

Как именно Александру удалось связаться с сослуживцами сына, он не рассказывает: «Им нельзя говорить, им сказали ничего не говорить». История гибели Дмитрия похожа на ту, которую рассказали сослуживцы погибшего под Николаевом Владимира Лучихина:

— Я знаю, что мой сын выходил в колонне, они попали в засаду, их расстреляли, — нервничая, рассказывает Александр. — Было утро, только еще светало. В центре города где-то... И он умирал там практически на руках

у кого-то. Мне неинтересно, сколько [солдат] погибло, сколько выжило, я знаю только, что мой сын в той операции был убит — он потерял сознание, а дальше... они убежали и его бросили. Все. Больше я ничего не знаю. Бросили, потому что они в засаду попали, их обстреливали, а пацаны молодые, испугались и убежали. А где тело — я не знаю. Меня волнует вопрос, как мне забрать тело с Украины, а именно из Харькова.

Александр говорит, что «устал бороться с системой», и не верит военнослужащим, которые пытаются вселить надежду в него и других родственников пропавших без вести солдат.

— Я месяц куда только не подавал [заявления], никто мне ничего не скажет: тела нет и все, — говорит он.

— Никто и не собирается их искать, мы же прекрасно с вами понимаем: когда Харьков возьмем, тогда будут тела и будут узнавать, у гражданских там спрашивать, кто там видел... больше никак. Ехать самому с лопатой я не могу, потому что там [в Харькове] еще нету российских войск.

Погибшие Дмитрий Варфоломеев, Дмитрий Самохин и Александр Бреев.
Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

Красоткин признается, что уже давно не надеется найти сына живым: «Я человек адекватный и понимаю, что когда стреляют очередью в спину, не может выжить человек. Много людей [из части] пропало без вести, [родственникам] говорят то же самое: "Тела нету, надежда есть". Но то больше для успокоения души матерей там, бабушек, жен. Всякое бывает, но в данной ситуации уже полтора месяца прошло. Бегать по лесу босиком, прятаться там где-то — я в это не верю».

По словам Александра, он одобрил выбор сына, когда тот решил идти служить по контракту. «Я был только за, я патриот своей родины. Есть воинская служба. Нужно? Иди. Война — гибнут люди, я понимаю... и это боль для меня... но по-другому никак нельзя. Я бы тоже пошел [на войну], если бы у меня возможность была, — говорит он. — Я вот жду, пока наши возьмут Харьков, и поеду туда сам. У кого там пропали солдаты — мы поедем туда вместе, думаю. Сейчас бесполезно что-то предпринимать, нас туда просто не пустят».

«Нашли танк, но тела нет»

Статус «безвестно отсутствующий»^[3] с точки зрения российского законодательства корректнее, чем «без вести пропавший», говорит Антон Щербак, юрист «Солдатских матерей Петербурга». Однако признать человека безвестно отсутствующим может только суд, добавляет он.

— Суд может установить этот статус по истечению года после последних известий о человеке, —

уточняет Щербак. — Все остальное — скорее всего, неформально: [в армии] не знают, где военнослужащий, и говорят, что он безвестно отсутствующий. Но с юридической точки зрения, конечно, об этом говорить рано.

Не зафиксированный судом юридический статус пропавшего солдата исключает ответственность государства за эту пропажу, согласна с коллегой глава «Солдатских матерей Петербурга» Оксана Парамонова.

— Если процедура не соблюдена, то говорить о том, что это официальный статус, за которым что-то следует, сложно, — говорит она.

Глава организации рассказывает, что с начала вторжения российских войск в Украину 24 февраля количество обращений к ним возросло почти в 10 раз — к ним обратились около 200 семей, и «почти 100 процентов обращений связаны с войной».

Если в начале войны люди чаще жаловались на отсутствие связи с военнослужащими, незаконное оформление контрактов и привлечение срочников к военным действиям, то сейчас все больше сообщений о раненых, пропавших и убитых солдатах, говорит Парамонова. Их организация оказывает пострадавшим только информационно-методическую помощь, так как с октября 2021 года **ограничила** свою деятельность из-за закона «об иностранных агентах».

— Общалась с матерью — связь последняя с сыном была в начале марта, когда он в поезде был, и их

отправляли в Украину, — говорит Парамонова. — В середине марта мать сослуживца сообщила, что [другие солдаты] нашли танк, в составе экипажа которого ее сын был, но тела нет. И вот той матери — она из Марий Эл — тоже говорят, что ее сын в списке пропавших без вести.

Несмотря на то, что родственники военнослужащего могли видеть его тело на видеозаписи или на фото в интернете, государство на этом основании не признает его погибшим — для этого необходимо получить свидетельство о смерти, говорит директор правозащитной инициативы «Гражданин и армия» Сергей Кривенко.

— Без свидетельства действительно довольно сложно признать человека погибшим, зафиксировать факт [смерти] и идентифицировать тело, — говорит он.

При этом суд может признать^[4] военнослужащего умершим спустя два года после окончания боевых действий, добавляет Антон Щербак.

— Соответственно, родственники, чтобы получить свидетельство о смерти, сначала должны получить решение суда, — уточняет он. — И только после этого они имеют право на все выплаты, страховки там и прочее.

Но со **сбором документов** для получения страховой и единовременной выплат — в общей сложности это почти 7,5 миллионов рублей — семьям придется собрать внушительный комплект документов от

военкомата, добавляет Кривенко. На это могут уйти годы.

— В перечень документов включены свидетельство о смерти, выписка из приказа командира части, справка о наступлении страхового случая, заключение военно-врачебной комиссии и ряд других документов, — перечисляет правозащитник. — Внутри армии коммуникация ведь тоже не лучшим способом обеспечена, а оформлением документов, по идее, должны заниматься военные комиссариаты, они должны запросы оформлять, получать справки. Добиться от воинских частей, особенно в период проведения всех операций, войн и так далее — чрезвычайно трудно, а иногда практически невозможно. Иногда приходится буквально годами доказывать, что военнослужащий был привлечен для выполнения специальных задач, а приказа [об этом], оказывается, нету...».

Несколько лет назад в городе Козьмодемьянск сотрудникам военкомата пришлось буквально силой удерживать военнослужащих части, которые привезли груз 200, добавляет правозащитник.

— Я помню историю: груз 200 сопровождали военнослужащие — в принципе сопровождение военнослужащими той же части обязательно, — говорит Кривенко. — Они его привезли в районный военкомат, и их неделю не отпускали, добиваясь, чтобы им выдали необходимые документы: об исключении из списков личного состава, о наступлении страхового случая, о гибели... чтобы все было оформлено так, чтобы можно получить

[выплаты]. То есть и военкоматы понимают, что добиться получения документов будет сложно — даже берут вот, можно сказать, заложников.

При участии Дмитрия Трещанина

Редактор: Агата Щеглова

1. Фамилия изменена.
2. Шутников отказался отвечать на вопросы «Медиазоны», сказав, что не может ничего комментировать.
3. Порядок признания гражданина таковым прописан в 42 статье Гражданского кодекса.
4. Статья 45 Гражданского кодекса.